

Глава 420. Ответственность. Данные о местонахождении просочились...

Сяо Тяньяо вернулся очень тихо, почти никто не знал о его прибытии, даже тайные шпионы императора не выяснили ничего об этом, но...

Когда он уезжал, это было совсем не тихо. Он вывез Линь Чуцзю из столицы, чтобы воздать последние почести Мэн Лаофужэнь, что, несомненно, показывало его высокомерие.

Императору хотелось притвориться, что он об этом не знал. Ну, по крайней мере до конца войны между Востоком и Севером император вообще не хотел думать о неприятностях, которые приносил Сяо Тяньяо, но...

Император не хотел искать неприятностей, но это не означало, что другие тоже не хотели.

На третий день после отъезда Сяо Тяньяо объявился имперский служащий, который хотел отстранить его за нарушение военных правил, пренебрежение указом императора и тайное возвращение в столицу!

Это было большим преступлением, было бы не проблемой посадить Сяо Тяньяо в тюрьму за такие преступления. Но проблема была в том, что, если Сяо Тяньяо будет заперт в тюрьме, кто будет сражаться на фронте?

Какой ублюдок стал бы отстранять Сяо Тяньяо в такой момент? У него что, нет глаз? Он ничего не предпринял вчера, так с чего ему что-то предпринимать сегодня? Если он не видит сути такой простой ситуации, как он вообще стал министром?

Император взглянул на человека, подававшего жалобу, и обнаружил, что это был Господин Чжу, который вообще не состоял ни в какой фракции. Он просто был упрямым стариком. Император сразу понял, что старика используют.

Император мысленно вздохнул, но серьезно спросил: «Вы говорите правду, господин Чжу? Вы сами это выяснили? Вы наверняка знаете, что клевета – большое преступление».

В словах императора было множество намеков, человек с мозгами должен был к этому времени уже отступить, но господин Чжу не отступил.

Господин Чжу, искавший правосудия, заявил: «Мои слова правдивы. Император может спросить солдат и чиновников, стоящих на страже у ворот столицы. Император также может спросить стражу, несущую караул у гробницы. Принц Сяо не только вернулся в столицу, но и отвез принцессу Сяо поклониться гробнице Мэн Лаофужэнь».

На кладбище Сяо Тяньяо видел не только стражник, охранявший гробницу семьи Мэн, но и другие стражники семейных захоронений.

Император был недоволен господином Чжу. Он ничего не сказал, вместо этого он посмотрел на Линь Сяна, стоявшего в переднем ряду. Линь Сян заметил это и выступил вперед и сказал: «Господин, Чжу, вы говорите, что Сяо Ванье появился в столице сегодня утром, верно? Когда же он вернулся? Почему о его въезде в столицу нет записей?»

«Когда Сяо Ванье вернулся, ваш покорный слуга не знает. Но мне известно, что Сяо Ванье не хотел, чтобы люди узнали, что он вернулся в столицу, поэтому он определенно не стал бы оставлять записей о въезде в столицу», – господин Чжу сказал без колебаний. Раз он осмелился просить об отстранении Сяо Ванье, у него наверняка должны быть доказательства.

«О... Если Сяо Ванье не хотел, чтобы люди узнали, что он вернулся в столицу, почему же тогда он покинул столицу при свете дня и появился на кладбище вне столицы? Разве Сяо Ванье неизвестно, как опасно тайно являться в столицу?», – старый лис Линь Сян задал сразу несколько вопросов. И не дожидаясь, пока господин Чжу ответит, он сказал: «Господин Чжу, вчера двор получил новости с фронта. Сяо Ванье повстречал асасинов по дороге и был серьезно ранен. Если прикинуть расстояние, Сяо Ванье очень далеко, город Яньчжоу в тысячах миль от столицы. Сяо Ванье ранен, но даже если бы он не был ранен, он не мог бы долететь за столицы всего за два дня».

«Это... это...» Господин Чжу не решался сказать, что раненый человек мог быть подставным лицом. Даже если бы он хотел сказать это, без доказательств за такие заявления его могли призвать к ответственности.

Линь Сян не дал ему оправиться и продолжал: «Господин Чжу, рядом с Сяо Ванье 30000 солдат, они своими глазами видели, как Сяо Ванье был ранен. Императорский доктор, сопровождавший их, также послал доклад, он сказал, что хотя жизненно важные органы Сяо Тяньяо не были задеты, он советовал ему не торопиться с переездами. Однако, несмотря на свои раны, Сяо Ванье настаивает на отправлении на фронт. Ради защиты Восточной страны он не жалеет своей жизни и не думает о смерти, а вы говорите, что Сяо Ванье пробрался назад в столицу. Чего вы добиваетесь?»

Линь Сян был доверенным лицом императора. Как только он заговорил, все поняли, чего хочет император. Было ли это правдой или нет, несколько людей тут же выступили вперед и поддержали Линь Сяна. Линь Чян только что превратил Сяо Тяньяо в национального героя, который не думал о себе. Губы императора скривились, но он не мог ничего об этом сказать.

Столкнувшись с натиском министров, господин Чжу потерпел поражение в споре и получил 30 палок от императора. А потом его отправили домой подумать.

Внешне казалось, что император наказал господина Чжу, потому что тот выдвинул ложные обвинения против Сяо Тяньяо. На самом деле только сам император знал правду.

Выйдя из дворцового зала заседаний, император призвал лидера своих шпионов. Первым делом он приказал ему выяснить, кто использовал господина Чжу.

После того, как Сяо Тяньяо совершил такой громкий поступок, как он мог об этом не узнать? Однако он хотел дождаться, пока закончится война, прежде чем наказать его самому. Но что же теперь?

В очередной раз другие люди разрушили его план!

То, что император не убил господина Чжу, уже было большой услугой!

*

Вернувшись после поездки, Линь Чуцзю была в гораздо лучшем настроении. По крайней мере, оно было лучше, чем в предыдущие два дня, когда она не могла встать с постели.

Линь Чуцзю ждала выздоровления, прежде чем она сможет потихоньку выехать из столицы и осмотреть Мэн Сююаня, чтобы проверить, насколько он поправился.

Прошло уже полмесяца. Если Мэн Сююань хорошо выздоравливает, уже почти можно снимать швы.

«Ванфэй, Су Гунцзы пришел к вам», – когда Фэйцуй вошла, она увидела, что Линь Чуцзю пишет письмо, и не могла не улыбнуться.

В день отъезда Сяо Тяньяо Су Ча пришел, и тогда все поместье Сяо узнало, что ванье установил для ванфэй правило. Их ванфэй должна была писать ему письмо каждые три дня, не короче чем на три листа бумаги.

Сяо Тяньяо боялся, что Линь Чуцзю откажется, но он не собирался сдаваться. Чтобы не дать Линь Чуцзю забыть ее «долг», Сяо Тяньяо попросил людей во всем поместье Сяо напоминать Линь Чуцзю, что она не должна об этом забывать.

Сяо Тяньяо было непросто заставить Линь Чуцзю писать письма «охотно».

Рано утром домоправитель Цао нашел повод встретиться с Линь Чуцзю, а затем намеками напомнил Линь Чуцзю, что прошло три дня, и что Су Ча придет за письмом.

Линь Чуцзю притворилась, что не слышала, но, куда бы она ни пошла, кто-нибудь намекал ей: «Ванфэй, пора писать письмо!»

В отчаянии Линь Чуцзю пришлось послушно пойти в кабинет и честно написать письмо, но...

«О чем же я напишу?»

Линь Чуцзю укусила кончик кисточки, ее лицо было задумчивым.

Плохая привычка грызть ручку появилась у нее в детстве из-за того, что она тянула в рот все подряд. Позже это прошло, но привычка осталась.

Когда Линь Чуцзю услышала, что пришел Су Ча, она тихо скомкала бумаги на столе и пригласила Су Ча войти.

Как и ожидалось, после того как Су Ча церемонно откланялся, он сказал: «Ванфэй, сегодня третий день».

«О чем вы беспокоитесь, разве вы отправляете письма не ночью?» Она, безусловно, могла закончить письмо к ночи, хотя она до сих пор не знала, что написать.

«Вы правы, ванфэй». Увидев недовольство на лице Линь Чуцзю, Су Ча добродушно сказал: «Ванфэй, если вы не хотите писать, вы можете продиктовать письмо мне, я помогу вам записать его».

Чтобы увидеть, что Линь Чуцзю пишет Сяо Тяньяо, Су Ча тоже был готов на все.

Ему в самом деле очень хотелось узнать, что она ему напишет. Какое такое письмо могло заставить Сяо Тяньяо улыбаться, даже перечитывая его во второй раз?

Это просто чудо!